

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Мещерякова Н.Н.

DOI: 10.7256/2222-1972.2015.5.17280

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Закономерное место исторической случайности

Аннотация. Существующие в исторической науке эволюционистские модели исторического процесса не могут найти в нем место исторической случайности, которая проявляется как деятельность отдельной личности или группы, или единичный факт, ничем, казалось бы, не детерминированный. В данной статье обосновывается возможность применения синергетической методологии для изучения случайных на первый взгляд событий, но имевших решающее значение для развития исторического процесса. Цель данной статьи – показать, какие эвристические возможности дает применение синергетики к исследованию отдельных исторических явлений. Методологическую базу исследования составили сравнительно-исторический метод и синергетический подход. В статье раскрывается вопрос, какие эвристические возможности предоставляет синергетика истории. Делается вывод, что она находит закономерное место самому труднодостижимому – случайности. Показывается, как, при каких условиях незначительные на первый взгляд события, новые спорные идеи, выбивающиеся из ряда личности вдруг начинают определять ход дальнейшей истории. Синергетика с помощью собственного методологического инструментария и категориального аппарата выстраивает логику событий, демонстрируя, как рост энтропии, рассогласованности в системе, дезинтеграции, рост автономии элементов приводят ее к точке бифуркации, где малейшая флуктуация, которая и проявляется как случайное, может привести к ее слою. Каков же будет новый порядок в системе, зависит от структур-аттракторов, складывающихся в среде в ходе процессов самоорганизации. Особенный акцент делается на том, каким образом с помощью синергетики находят свое закономерное место в исторической канве отдельные – казалось бы, случайные – события-флуктуации, имеющие значительные последствия для хода исторического процесса в целом. Источниковой базой для написания статьи послужили работы российских и зарубежных ученых.

Ключевые слова: синергетика, историческая случайность, нелинейность, детерминизм, бифуркация, флуктуация, аттрактор, энтропия, альтернативность, роль личности.

Abstract. The existing in historical sciences evolutionary models of historical processes cannot find space within themselves for historical chance, which manifests itself as the activity of a particular person or group, or as a singular fact seemingly uninfluenced by anything. This article substantiates the possibility of applying the methodology of synergetics to the study of events that at first appear accidental, but that had a decisive influence on the course of historical processes. The aim of this article is to demonstrate the heuristic possibilities provided by the use of synergetics in the study of separate historical events. Particular attention is given to the question of how the use of synergetics helps to find the causal place in the general historical scheme of separate, seemingly random events-fluctuations that have significant influence on the course of the historical process overall. The source base for this article consists of the works of Russian and foreign scholars on the subject. The research's methodological base comprises the comparative historical method and the approach of synergetics. The author addresses the question of which heuristic capacities are provided by the synergetics of history. The author comes to the conclusion that it finds the place of the most difficult problem – that of chance. Thus, it is demonstrated how and under which circumstances seemingly insignificant events, new controversial ideas, and persons deviating from norms suddenly come to define the consequent course of history. Synergetics with the aid of its proper methodological instruments and categorical apparatus outlines the logic of events, showing how the growth of entropy, system deviation, disintegration, the rise of autonomous elements lead to a point of bifurcation where the smallest fluctuation that appears accidental can bring about its break-down. What the new system order will be depends on the structures-attractors that form in the environment of the development of the self-organisational processes.

Key words: synergetics, historical chance, nonlinearity, determinism, bifurcation, fluctuation, attractor, entropy, alternative-ness, role of individual.

Синергетика как междисциплинарное направление исследований сформировалась во второй половине XX в. Термин ввел Герман Хакен [1] в 1969 г. Это направление изучает поведение сложных систем, элементы которых взаимодействуют друг с другом нелинейным способом. Теория самоорганизации, как еще называют синергетику, особенное внимание уделяет процессам самоорганизации сложных систем вблизи точек бифуркации, где малое воздействие приводит к непредсказуемым и значительным по своим последствиям результатам для системы в целом. В исторических исследованиях синергетический подход может продуктивно использоваться для изучения конкретных явлений и событий прошлого. Особенно в тех случаях, когда объяснение их при помощи иных, традиционных методик не обеспечивает достаточного понимания. Синергетика, применяя собственные понятия и категории, дополняет и обогащает результаты, полученные при помощи иных объяснительных моделей.

Цель данной статьи – показать, какие эвристические возможности дает применение синергетики к исследованию отдельных исторических явлений. Особенный акцент будет сделан на том, каким образом с ее помощью находят свое закономерное место в исторической канве отдельные – казалось бы, случайные – события-флуктуации, имеющие значительные последствия для хода исторического процесса в целом. Источниковой базой для написания статьи послужили работы российских и зарубежных ученых. Методологическую базу исследования составили сравнительно-исторический метод и синергетический подходы.

Синергетика, родившаяся как методология естественнонаучных дисциплин, привлекла авторов социогуманитарного блока как средство анализа процесса самоорганизации сложных открытых систем. Она заполняет существующую методологическую лауну, компенсирует неспособность иных теорий объяснить непредсказуемое, нелинейное поведения сложных систем в длительной исторической перспективе. Л. И. Бородкин отмечает, что интерес к этой методологии обусловлен возрастанием темпа социальных изменений. Динамика системы содержит все большую долю неопределенности, а изменения зачастую имеют непредсказуемый характер и ведут к неожиданным последствиям [2]. Нелинейность разрушает паритетную связь между причиной и действием.

Эволюционистские модели, доминирующие в исторической науке, с точки зрения С. А. Гомаюнова, пытаются строить предсказуемую и ретросказуемую модель исторического процесса. Причем в силу специфики исторической науки, имеющей дело с прошлым, все ее объяснительные модели, по сути, ретроспективны, в этом их сила и слабость. «Лишь потом, задним числом, познающее мышление, пытаясь объяснить, что произошло, представляет ход событий не как случайный выбор, а как единственно возможный вариант» [3, 102]. И. Н. Иванов указывает, что выбор альтернативы в точке бифуркации происходит стихийно, но факт выбора становится исторической реальностью. И историк, оценивая этот выбор ретроспективно, придает ему характер факта, детерминированного всем предшествующим ходом вещей, хотя он и был лишь одной из потенциальных возможностей развития системы. Таким образом, считает автор, мы получаем картину детерминированного линейного развития, которую привычно называем историей, вместо фактически непредсказуемого в точке бифуркации поведения неравновесной системы [4, 131].

Принцип исторической закономерности, абсолютизированный историческим материализмом, предполагает повторяющиеся отношения между явлениями и процессами общественной жизни, наличие взаимобусловленных причинно-следственных связей. Каждое следующее поколение действует в условиях, унаследованных от предыдущего, определяющих общественное развитие. И поскольку историки всегда «задним умом сильны», уязвимость такого подхода обнаружилась не сразу. Одним из первых об «эрозии детерминизма» написал И. Пригожин [5]. Он считал, что проявление свободы воли человеком неотделимо от способности принимать решения. Свобода же имеет подлинный смысл только в мире, где действуют недетерминистские законы.

Из историков первым вопрос об альтернативности исторического процесса поставил А. Тойнби [6]. Интересует он и современных авторов [7]. Именно сочетание эволюционизма с идеей многовариантности С. А. Гомаюнов отмечает как сильную сторону синергетики. Она представляет собою иной – отличающийся от классических формационного и цивилизационного подходов – принцип видения изучаемого мира, подходит непосредственно к построению теории, адекватной многомерному историче-

скому процессу. «Признавая множественность путей развития различных социумов, прокладывая индивидуальные маршруты через точки бифуркации, синергетика понимает под общей исторической закономерностью не единый путь исторического развития, а единые принципы “хождения” по разным историческим маршрутам» [3, 102]. Синергетика по-новому освещает вопросы, которые не первое столетие волнуют представителей общественных наук: о роли личности в истории, свободе воли, месте случайности в историческом процессе.

Из предлагаемого синергетикой арсенала собственных понятий для нас в данной работе наиболее значимыми будут точка бифуркации, флуктуация и аттрактор.

История давно выработала собственный глоссарий терминов, которые обозначают и объясняют моменты слома одного режима функционирования системы и перехода к новому. Например, кризис и революция с точки зрения синергетики являются точками социальной бифуркации. Проходя через точку бифуркации, система стохастически выбирает новый режим функционирования. Вариативность поведения системы связана с тем, что перед ней открывается несколько притягивающих аттрактивных состояний и она необратимо делает выбор в пользу одного из них. Происходит то, что С. П. Курдюмов и Е. Н. Князева называют «выпадением на аттрактор» [8, 111].

Г. Г. Малинецкий пишет [9, 105], что теория бифуркаций доказывает существование в системах, имеющих «бесконечно много степеней свободы», конечного набора параметров порядка, определяющих поведение изучаемых объектов. Поэтому возможен «слабый прогноз», т. е. ответ на вопрос, чего не произойдет в данной системе. Конечный набор вариантов возможного поведения – основание для ретроспективного анализа, поскольку предпосылки произошедших событий всегда можно обнаружить в предшествующий период.

Роль случайности, в том числе деятельности той или иной исторической личности, особенно велика в точке бифуркации. Случайность как фактор альтернативности исторического развития является, по словам М. В. Сапронова, самым труднодостижимым для ученого-гуманитария элементом синергетической парадигмы [10, 159]. И рассматривается этой парадигмой как флуктуация в социальной системе. Индивидуальные действия, отклоняющиеся от средних

значений «нормы», в стабильный период существования системы большей частью ею подавляются посредством механизмов социального контроля. Но в моменты кризисов, которые мы называем социально-историческими катаклизмами, такие флуктуации становятся значимыми факторами социального процесса и поворачивают колесо истории. Л. Д. Бевзенко анализирует с позиции синергетики роль личности в историческом процессе [11, 89]. Исследовательница подчеркивает, что не любая индивидуальная деятельность способна изменить вектор развития системы, а только та, что обладает потенциалом аттрактивности, резонирует с умонастроениями, существующими в социальной среде, накладывается на специфические условия места и времени. Л. Д. Бевзенко обращает внимание на то, что результат зачастую не совпадает с замыслом автора. С точки зрения синергетики стохастически развивающиеся процессы самоорганизации в точке бифуркации и непредсказуемы, и неуправляемы, но эти результаты всегда несут на себе отпечаток индивидуальности исторической личности.

Эта чувствительность к сравнительно незначительным отклонениям в системе вытекает из общих свойств диссипативных структур, установленных И. Пригожиным [12]. Открытие диссипативных структур и доказательство ученым теоремы о минимуме производства энтропии в открытых системах стали теоретической основой синергетики. Процессы диссипации, идущие в нелинейно развивающихся системах, предполагают прорастание из хаоса новой кооперированности, спонтанно возникающего когерентного взаимодействия элементов системы в результате нового режима ее работы. На каких принципах будет складываться новый порядок в системе, зависит от аттракторов и аттрактивных структур.

Аттрактором, притягивающим траекторию развития системы, может быть идеология, система ценностей, сформулированные в том числе отдельной личностью. Главное, чтобы они резонировали с ожиданиями социальной среды. Яркий пример этому – религиозные идеи. В основании любой религии лежит вера в чудо, в то, что не поддается логическому анализу, опровергает, сметает собою все законы и причинно-следственные связи. Но если многочисленные адепты данной религиозной идеи верят в возможность чуда, оно может и произойти. Проблема в том, что у идеи для того, чтобы она ре-

ализовала свои аттрактивные свойства, должна быть социальной структурой как ее носитель. Это может быть религиозная секта, как в протестантизме, революционно настроенная толпа или иная локальная зона повышенной социальной упорядоченности. Идею надо «посадить на почву». Социальный аттрактор – это именно зона локализации социальных элементов в среде, а определенные идеи, цели, ценности и нормы являются ее негэнтропийным потенциалом, укрепляющим и поддерживающим самоорганизационный порядок в аттрактивной структуре.

Итак, поведение социальной системы вблизи точки бифуркации, на историческом переломе нелинейно, непредсказуемо и необратимо. Процессы самоорганизации в этот момент непропорциональны относительно начальным условиям. Малое вызывает большое – и наоборот. Но вместе с тем варианты допустимого поведения системы предзаданы средой, поэтому ретроспективно мы всегда можем обнаружить в прошлом предпосылки тех или иных событий, вопрос в том, был ли этот тренд доминирующим, который легко можно было обнаружить, или стал случайной флуктуацией системы.

Синергетика имеет дело с социальной системой как целостным объектом и акцентируется не столько на характеристиках свойств ее элементов, сколько на связях между ними, эту целостность обеспечивающими. Для сложных систем характерны периоды их устойчивого состояния, когда при небольших отклонениях система способна вернуться в исходное состояние, и периоды неустойчивости, в которых даже небольшие отклонения могут спровоцировать качественный переход. Синергетический подход, в категориях которого мы попытаемся проанализировать отдельные события истории, должен подвести нас к получению ответов на следующие вопросы.

При каких условиях система перестает притягиваться предыдущим стационарным состоянием и выходит на новый режим функционирования?

Как происходит выбор варианта возможного поведения системы из числа потенциально возможных в точке бифуркации (исторического перелома)?

Несмотря на большое количество работ, которые раскрывают эвристические возможности синергетики в истории в общем плане (некоторые из них упоминаются в данной статье), исследований, которые непосредственно при-

меняли бы ее методы к объяснению конкретных событий или процессов, сравнительно немного. Мы постараемся сделать именно это на примере отдельных исторических событий.

Ярким примером точки бифуркации в отечественной истории могут служить события марта 1881 г. Да, существует мнение, что Великие реформы выдохлись уже к 1874 г. и последним их актом было введение всеобщей воинской повинности [13, 340–341]. Трагедия Александра II, с данной точки зрения, состояла в том, что в своей непоследовательности он не решился опереться на либеральную общественность, остался в одиночестве, развязал руки реакции – как справа, так и слева.

Александр II – если отвлечься от нравственных побуждений, привитых ему В. А. Жуковским, – начал реформы в ответ на поражение в Крымской войне. Пришлось учесть тот факт, что Европа модернизировала армию и российские парусники не могли достойно противостоять судам на паровой тяге, а гладкоствольные ружья – нарезным. Модернизация армии требовала развития промышленного производства, развитие производства – свободных рабочих рук, создание рынка труда – раскрепощения крестьян, появление новых правоспособных слоев населения – судебной реформы, создания основ местного самоуправления и т. д. Вместе с тем понимание и широкой поддержки реформам не было не только в среде дворянства. И лишь незыблемый на тот исторический момент авторитет самодержавия позволил осуществить реформы. Гротеск отечественной истории в том, что, возможно, самый талантливый и значительный представитель династии Романовых был столь нещадно преследуем частью собственного общества, и в тот момент, когда им было положено начало новому радикальному преобразованию – созданию предпарламента по проекту М. Т. Лорис-Меликова, – он был убит, а указ о создании законосовещательных комиссий не был приведен в исполнение. Незначительная флуктуация – убийство царя, – возможно, изменила ход отечественной истории.

С нашей точки зрения, после поражения в Крымской войне и решений, принятых Александром II, критическое состояние системы, как еще называют точку бифуркации, не было преодолено. Самодостраивание системы под новые параметры порядка еще не завершилось. Напротив, наблюдался рост энтропии как рассогласованности элементов: подъем революционного и

либеральных движений, усиление реакции со стороны консерваторов – все это, как известно, было скорее следствием, чем предпосылкой реформ [14]. На момент убийства царя наличествовали возможности как дальнейших преобразований в направлении демократизации системы (так называемая конституция Лорис-Меликова), так и реакции. Последнее и было реализовано в истории. Нам же остается пофантазировать вслед за А. Тойнби, чтобы было бы, если бы наш великий Александр не умер.

Еще один пример, позволяющий продемонстрировать применение синергетического подхода для исторического анализа, связан с приходом к власти большевиков осенью 1917 г. Эта ситуация дает нам возможность показать, как флуктуация вблизи точки бифуркации изменяет ход истории. В феврале 1917 г., когда обрушилось самодержавие, никто и не помышлял о большевистской альтернативе. В. И. Ленин был в Европе, отделенной от России фронтом, Л. Д. Троцкий – в США, сама партия насчитывала около 24 тыс. человек, Петроградским советом руководили умеренные социалисты. Кто бы мог подумать, что уже концу этого года невероятное станет реальным. Но сочетание ключевых факторов – войны, истощения внутренних ресурсов, неспособности Временного правительства всех созывов принципиально решить данные проблемы, – а также талант большевистского руководства, прежде всего В. И. Ленина, нащупать аттракторы, которые могут притянуть развитие всей системы в целом, сделали случайную флуктуацию системы мегатрендом ее развития. Под аттракторами имеются в виду обещания немедленного мира и помещичьей земли народу. Не власти, а именно мира и земли.

Точки бифуркации, системного перелома Россия достигла к началу 1917 г. Энтропия системы возросла за годы Первой мировой войны, немалую роль в том, что выбор был сделан не в пользу самодержавия, сыграл случайный фактор, а именно – личность последнего самодержца Николая II. Надо сказать, что при всех человеческих достоинствах, которые за ним признают, как политик он был недалеким, некомпетентным и даже упрямым. Менее подходящей личности на роль самодержца российского в столь сложный исторический момент трудно представить. Персональная ограниченность царя в сочетании с его напротив безграничными возможностями определять внешнюю и внутреннюю политику, а также неблагоприятные

внешние обстоятельства, война и истощение внутренних ресурсов страны – факторы энтропии системы, приведшие к ее слому за три февральских дня. В этом смысле канонизация Николая Кровавого в современной России выглядит историческим парадоксом.

Несмотря на то что первоначально все политические силы за исключением большевиков поддержали Временное правительство и несмотря на то что составлено оно было из интеллектуальной элиты своего времени, оно не сумело предложить обществу идеи, которые могли бы его сплотить, и не стало само аттрактивной структурой, вокруг которой происходило бы достраивание системы. Скованные верностью либеральным ценностям – например, неприкосновенности частной собственности – министры выступали против земельных захватов тогда, когда «черный передел» уже фактически начался, сохраняли верность международным обязательствам в условиях развала армии. А вот демократические свободы, которые реально были учреждены, оставили большинство населения равнодушным. Именно в ответ на это бессилие Временного правительства всех составов В. И. Ленин в 1920 г. заметил: «Нашелся бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы начали социальную реформу?» [15, 179]. Большевистские же лозунги, в том числе заимствованная ими у эсеров аграрная программа, резонировали с умонастроениями масс [16].

Показательно, что, обосновывая неотвратимость русского коммунизма, Н. А. Бердяев ссылаясь на то, что большевики больше соответствовали и русскому национальному характеру, и традициям власти: «В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе» [17, 94]. «Он (В. И. Ленин. – Н. М.) отрицал свободы человека, которые и раньше неизвестны были народу, которые были привилегией лишь верхних культурных слоев общества и за которые народ совсем не собирался бороться. Он провозгласил обязательность целостного, тоталитарного мирозерцания, господствующего верования, что соответствовало по навыкам и потребностям русского народа в вере и символах, управляющих жизнью. Русская душа не склонна к скептицизму, ей менее всего соот-

ветствует скептический либерализм. Народная душа легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь» [17, 115]. Можно не соглашаться со всеми выводами Н. А. Бердяева, но идея о том, что большевики больше резонировали с ментальными установками русского народа, чем интеллигенция и буржуазия, является перспективной с точки зрения синергетики для объяснения событий октября 1917 г. и последующего периода.

Идеи марксизма в большевистско-ленинской интерпретации нашли поддержку в определенных социальных слоях общества: нижних слоях деревни, не справившихся со столыпинскими преобразованиями, большей части пролетарских слоев города и даже части интеллигенции, ждавшей духовного обновления в горниле революционного огня. Эти идеи принципиально по-иному позиционировали социальные статусы и роли представителей низших сословий – «из грязи в князи», из униженных – в хозяев своей страны, своей земли и всего, что на ней находится, – так что подкреплялись еще и существенным материальным аспектом. Благодаря мощному резонансному взаимодействию своих лозунгов большевикам удалось аккумулировать достаточный людской и материальный потенциал, чтобы справиться с Гражданской войной и интервенцией и приступить к строительству социализма в отдельно взятой стране, что классики марксизма, в общем-то, не предполагали.

Идеи, которые способны аккумулировать жизненную силу нации, к сожалению, не обязаны быть моральными, гуманными или прогрессивными в традиционном понимании, но они обязаны быть аттрактором, соответствующим самоорганизационным процессам социума. Впрочем, как показывает все тот же исторический опыт, идеи неморальные и негуманные заводят ситуацию в тупик, а систему подводят к переструктурированию. Н. А. Бердяев охарактеризовал К. Маркса как замечательного социолога, но плохого психолога и антрополога [17, 148]. В марксизме содержится блестящий социологический анализ процесса дегуманизации человека при капитализме, обличает капитализм за обобществление человеческой жизни, за дегуманизацию. Но первая попытка построения коммунистического общества на основах марксизма обернулась дегуманизацией человеческой жизни так же, как при капиталистическом строе, который критиковал Маркс. Человек рассматри-

вался здесь как функция экономики, кирпичик для строительства нового общества, общество – первофеномен, человек – эпифеномен. «Коммунизм в своей материалистически-атеистической форме целиком подчиняет человека потоку времени, человек лишь переходящий момент дробного времени, и каждый момент является лишь средством для последующего момента», – писал Н. А. Бердяев [17, 149]. Не время сосредотачивается в человеке, но человек – лишь песчинка в потоке времени и даже средство формирования этого потока. «В русский коммунизм вошли не традиции русского гуманизма, имевшего христианские истоки, а русского антигуманизма, связанного с русским государственным абсолютизмом, всегда рассматривавшим человека как средство» [17, 149], – добавляет он.

С точки зрения синергетики, можно потратить огромные усилия и средства, организовывая желательное воздействие на общество, и потерпеть полное фиаско в силу полного непопадания в вектор развития самоорганизационных процессов, наличествующих в среде. Но в то же время малое резонансное воздействие, инициирование аттрактивности, предзаданной средой, может привести систему к когерентному взаимодействию всех элементов. Вопрос в том, как нащупать структуры общественного сознания, на которые следует оказать это резонансное воздействие, к каким идеям общество подготовлено и может вокруг них аккумулироваться, предоставив для созидания свою совокупную жизненную энергию.

История знает прецеденты идей, которые аккумулировали национальную энергию в единое целое, и далеко не все из них были моральны, и не все кумиры – властители дум – были интеллектуальной и моральной элитой своего общества, феномены А. Гитлера и И. Сталина в этом ряду.

Благодаря работам М. Вебера [18] хорошо изучен вопрос о роли «протестантской этики» в складывании западного капитализма. Конечно, можно говорить, что успешная экономическая деятельность представителей третьего сословия требовала своего «оправдания», легитимации в религиозной по духу культуре именно религиозными средствами. Эта насущная необходимость сопровождалась затяжным кризисом Римско-католической церкви, духовным и организационным, появлением различного рода религиозных течений «нового благочестия», в которых основной акцент делался не на внешних, обрядовых формах выражения религиозности, а на внутренних индивидуальных устремлениях

человека к Богу. В заключительном звене этой логической цепочки причинно-следственных связей появляется Мартин Лютер с его тезисом «оправдания верой», устанавливающим прямую связь между человеком и Богом без посредничества церковного клира, и, что еще важнее для «протестантской этики», Жан Кальвин с его догматом «о предопределении», в котором успешная экономическая деятельность становится знаком богоизбранности. Труд из наказания за первородный грех превращается в случае его выгоды, экономической успешности, сопровождаемой обогащением, в знак спасения души. Так были сняты культурные барьеры для предпринимательства и конкуренции – залогов капиталистического роста. Но в этой цепочке причинно-следственных закономерностей есть один уязвимый момент. Замечательное наблюдение по этому поводу сделала В. Г. Федотова [19, 67]. М. Веберу отличия западного капитализма от незападного представлялись принципиальными, он настойчиво показывал «нормальность», т. е. некую «универсальность», незападного мира и уникальность западного. Протестантизм как таковой не ставил перед собой мирских задач. Но нашлись социальные силы, в среде которых эти идеи резонировали с их практическими интересами и были использованы для приведения к согласию внутренней духовной и внешней практической жизни. Если рассматривать западный протестантский духовный опыт как «уникальный», а не универсальный, то он становится флуктуацией, повлиявшей на режим функционирования системы.

Еще один пример губительной идеи, обладавшей мощным негэнтропийным потенциалом, изложен в «Майн кампф» Адольфа Гитлера – библии национал-социализма. Все, кто ее читал, признают, что она крикливая, напыщенная, изобилует длиннотами, неясностями. Лион Фейхтвангер насчитал несколько тысяч грамматических ошибок в ее первом издании. Спрашивается, как она и ее автор, этакий гофмановский Крошка Цахес, буквально зомбировали миллионы немцев, приведя эту древнюю, с выдающимися культурными достижениями, с мощной интеллектуальной традицией нацию к одному из самых страшных преступлений в истории нашей цивилизации? Как можно было серьезно читать, например, такой пассаж: «Черноволосый еврейский юноша часами поджидает с сатанинской радостью в глазах ничего не подозревающих арийских девушек, которых он опо-

зорит своей кровью и таким образом обокрадет нацию <...> Любими средствами, находящимися в его распоряжении, он стремится уничтожить расовые особенности немцев <...> Евреи даже привели негров на берега Рейна с определенной четкой целью в голове – уничтожить ненавистные белые расы путем “гибридизации”, столкнув их с культурных и политических высот, чтобы самим вскарабкаться на освободившееся место» [20, 287].

Понять это невозможно, если не учитывать национальные особенности немцев и специфику исторического момента. О немцах – так же, как и о русских, – бытует множество стереотипов, причем, учитывая их живучесть во времени, небезосновательных. Немцы стремятся упорядочить все и вся вокруг себя, они законопослушны, принципиальны и склонны к перфекционизму. И вот нацию с такими особенностями менталитета подвергают серьезному испытанию, ее делают персональным и по сути единственным виновником Первой мировой войны, заставляют расплачиваться за это по принципу «проигравший платит за все». Об истинных причинах этого масштабного мирового конфликта писалось много, исследователи обнаруживают наличие противоречий между державами Антанты и Тройственного союза, региональных противоречий между Францией и Германией, Австро-Венгрией и Россией и др., выделяя из них наиболее актуальные на тот исторический момент. В любом случае подчеркивается, что война стала неизбежной, поскольку на момент ее начала рассматривалась «продолжением политики, но только другими средствами». Однако по Версальскому договору 1919 г. за эту коллективную ошибку расплачиваться заставили именно Германию. В ст. 231 мирного договора на нее была возложена историческая ответственность за развязывание войны, кроме того, она несла огромные территориальные потери, численность германской армии была ограничена 100 тысячами человек, отменена и запрещена к введению всеобщая воинская повинность, а также Германия была лишена права создавать военную авиацию, танковые части и подводный флот. Германский военно-морской флот подлежал ограничению, а Генеральный штаб и Военная академия распускались. Ремонтации были столь велики, что окончательно долги по ним, по информации газеты The Daily Mail, были погашены только в 2010 г. [21]. Но самым болезненным для немцев – и в этом сходятся все исследова-

тели вопроса – был факт признания их единственными виновниками войны. Оскорбленное национальное самодобие стало источником реваншистских настроений. И вот выходит работа Адольфа Гитлера, в которой он провозглашает расовое превосходство арийской нации и ее грядущую роль предводителя человечества. Кроме того, он объясняет поражение в Первой мировой войне расовыми причинами, снимая ответственность и, соответственно, чувство вины с истинных арийцев. Он предлагает построить национальный государственный капитализм, ориентированный на самообеспечение и освобождение от иностранного капитала, что сулит обретение независимости от тех, кто «обидел» немцев Версальским договором, с конфискацией состояний, нажитых на военных поставках в годы войны, – состояний тех, кто разделяет ответственность за этот национальный позор. Принципиальность проявлена, порядок установлен, чувство перфекционизма удовлетворе-

но и, перефразируя И. Гете, немцы опять усложнили все себе и другим.

Какие же эвристические возможности предоставляет синергетика истории? Она находит закономерное место самому труднодостижимому – случайности. Показывает, как, при каких условиях незначительные, на первый взгляд, события, новые спорные идеи, выбивающиеся из ряда личности вдруг начинают определять ход дальнейшей истории. Синергетика с помощью собственного методологического инструментария и категорийного аппарата выстраивает логику событий, демонстрируя, как рост энтропии, рассогласованности в системе, дезинтеграции, рост автономии элементов приводят ее к точке бифуркации, где малейшая флуктуация, которая и проявляется как случайное, может привести к ее слому. Каков же будет новый порядок в системе, зависит от структур-аттракторов, складывающихся в среде в ходе процессов самоорганизации.

Библиография:

1. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 406 с.
2. Бородин Л. И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая истории. 2003. № 2. С. 98–118.
3. Гомаюнов С. А. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 99–106.
4. Ионон И. Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 118–135.
5. Пригожин И. Постигание реальности // Природа. 1998. № 6. С. 4–11.
6. Тойнби А. Дж. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели // Знание – сила. 1994. № 8. С. 60–65.
7. Сиземская И. Н. А. И. Герцен о вариативности исторического процесса // Философская мысль. 2013. № 3. С. 229–262. DOI: 10.7256/2409-8728.2013.3.469.
8. Князева Е. Н. Интуиция как самодооствраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 110–122.
9. Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // Препринт ИПМ им. М. В. Келдыша РАН. 1995. № 81. С. 98–112.
10. Сапронов М. В. Концепции самоорганизации в обществознании: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 148–161.
11. Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев: ИС НАН Украины, 2002. 437 с.
12. Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
13. Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.
14. Великие реформы в России / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Издательство МГУ, 1992. 336 с.
15. Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. // Полное собрание сочинений. Т. 40. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 166–187.
16. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. 416 с.
17. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
18. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–135.
19. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
20. Гитлер А. Майн кампф. Харьков: Свитовид, 2003. 704 с.
21. Германия расплатится за Первую мировую войну в 2010 году // [Электронный ресурс] – URL: <http://lenta.ru/news/2009/12/03/reparations/> (дата обращения: 11.11.2015).

References (transliterated):

1. Khaken G. Sinergetika. M.: Mir, 1980. 406 s.

2. Borodkin L. I. «Poryadok iz khaosa»: kontseptsii sinergetiki v metodologii istoricheskikh issledovaniy // Novaya i noveishaya istorii. 2003. № 2. S. 98–118.
3. Gomayunov S. A. Ot istorii sinergetiki k sinergetike istorii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 2. S. 99–106.
4. Ionov I. N. Teoriya tsivilizatsii i evolyutsiya nauchnogo znaniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 3. S. 118–135.
5. Prigozhin I. Postizhenie real'nosti // Priroda. 1998. № 6. S. 4–11.
6. Toinbi A. Dzh. Esli by Filipp i Artakserks utseleli // Znanie – sila. 1994. № 8. S. 60–65.
7. Sizemskaya I. N. A. I. Gertsen o variativnosti istoricheskogo protsessa // Filosofskaya mysl'. 2013. № 3. C. 229–262. DOI: 10.7256/2409-8728.2013.3.469.
8. Knyazeva E. N. Intuitsiya kak samodotraivanie // Voprosy filosofii. 1994. № 2. S. 110–122.
9. Malinetskii G. G. Nelineinaya dinamika – klyuch k teoreticheskoi istorii? // Preprint IPM im. M. V. Keldysha RAN. 1995. № 81. S. 98–112.
10. Saprnov M. V. Kontseptsii samoorganizatsii v obshchestvoznanii: moda ili neobkhodimost'? (Razmyshleniya o budushchem istoricheskoi nauki) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 1. S. 148–161.
11. Bevzenko L. D. Sotsial'naya samoorganizatsiya. Sinergeticheskaya paradigma: vozmozhnosti sotsial'nykh interpretatsii. Kiev: IS NAN Ukrainy, 2002. 437 s.
12. Prigozhin I. Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoy. M.: Progress, 1986. 432 s.
13. Karatsuba I. V., Kurukin I. V., Sokolov N. P. Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichei do oligarkhov. M.: KoLibri, 2005. 638 s.
14. Velikie reformy v Rossii / Pod red. L. G. Zakharovoi, B. Eklofa, Dzh. Bushnella. M.: Izdatel'stvo MGU, 1992. 336 s.
15. Lenin V. I. Doklad na I Vserossiiskom s"ezde trudovykh kazakov 1 marta 1920 g. // Polnoe sobranie sochinenii. T. 40. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974. S. 166–187.
16. Rabinovich A. Bol'sheviki prikhodyat k vlasti: Revolyutsiya 1917 goda v Petrograde. M.: Progress, 1989. 416 s.
17. Berdyaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 224 s.
18. Veber M. Protestant'skaya etika i dukh kapitalizma // Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 61–135.
19. Fedotova V. G. Khoroshee obshchestvo. M.: Progress-Traditsiya, 2005. 544 s.
20. Gitler A. Main kampf. Khar'kov: Svitovid, 2003. 704 s.
21. Germaniya rasplatitsya za Pervuyu mirovuyu voinu v 2010 godu // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://lenta.ru/news/2009/12/03/reparations/> (data obrashcheniya: 11.11.2015).